

От лауреата премии «Anthologia» и «Русской премии»!

ЧЕРНОВИК ЧЕЛОВЕКА

Мария
РЫБАКОВА

Мария Рыбакова
Черновик человека
Серия «Лауреаты литературных премий»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8333208
Мария Рыбакова. Черновик человека: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74717-7

Аннотация

В основе романа Марии Рыбаковой, известной благодаря роману в стихах «Гнедич», – реальная история русского поэта-вундеркинда Ники Турбиной, которая начала писать взрослые стихи, когда была еще ребенком, прославилась на весь мир и, не выдержав славы, погибла. Но Ника – лишь один из возможных прототипов. Рыбакова в образе своей героини соединяет черты поколения и пишет о трагическом феномене Поэта в современном мире.

Увлекательный остросюжетный роман Рыбаковой не только помогает переосмыслить события прошлых лет, но и поднимает важнейшую тему ответственности человечества за творческих людей, без которых ни одна цивилизация не может состояться.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

27

Мария Рыбакова Черновик человека

Она встала, и тогда, наконец, он испугался.

«Что это?» – воскликнул он, сжавшись в комок.

«Я зажгу свет, – сказала она, – тогда ты сам увидишь».

По-моему, это был единственный момент в его жизни, когда Питер почувствовал страх. «Не зажигай свет», – закричал он. «Питер Пэн»¹

Во вторник: купить пистолет.

Автобус медленно-медленно плетется. Останавливается все время. Особенно если инвалид в коляске хочет в него поместиться или старуха с ходунками. А еще слепые входят, в очках и с палкой или – с собакой на коротком поводке. Автобус проезжает «Макдоналдс», аптеку, кофейню, ресторан, супермаркет, стоянку автомашин, книжную лавку, школу, парк с тощими пальмами, салон массажа, церковь, еще церковь, еще церковь, буддийский храм, спортивный зал, поле для игры в бейсбол, магазин «Все товары – за доллар», грузовик, с которого продают бутерброды, рынок старья в бывшем кинотеатре, салон красоты, где обещают новую молодость, пивной бар, еще один пивной бар, студию йоги, салон, где набивают татуировки, бюро поручительств под залог.

...сначала были просто личинки, мельтешили в воде, питались, ни глаз, ни рук, ни мозга; потом они удлинлись и рыбками стали, с чуткой кожей, ели, плавали, размножались, плавники появлялись, жабры, глаза и губы, кости всякие; потом рыбы на сушу стали выползать, плавники в лапы превратились, к жабрам легкие прибавились, стали ящерицами, огромными как дома, ползали по земле, и никто им не мешал. Некоторые, помельче, оперились, передними лапами махали-махали, приобрели крылья и полетели. А другие по песку струились и стали змеями. Третьи же мехом обросли, и отрасли длинные лапы, и стали кормить детенышей молоком.

Пассажиры на переднем сиденье громко беседуют сам с собой. Черт знает кто в автобус набивается, говорит он. Не уважают общественный транспорт. В какие инстанции обращаться в случае конца света. Водитель, остановитесь на следующей.

...меховые бегали-бегали, по веткам прыгали-прыгали, передней лапой срывали фрукты, били деревья палками, вставали на задние лапы, и оттого эти лапы у них постепенно в ноги превращались, а передние лапы – в руки. И мех стал редеть.

Купить пистолет. Потом еще не забыть забрать платье из химчистки.

Света выходит напротив библиотеки, идет по узкой улице, усаженной цветущими акациями. Она глубоко вдыхает: акация пахнет конфетой. Но вскоре и деревья, и запах кончаются. Земля залита асфальтом, улицы просматриваются на сотни метров вперед. На окнах домов – решетки, за заборами груды металлолома. Здесь можно вести войну.

...обезьяны боролись за существование, и победили самые умные, то есть те, которые потом людьми стали. Самые умные и оружие себе лучшие придумали, и о наступлении врагов друг друга предупреждали, потому что говорить научились. Ну, может, не говорить, а рычать или свистеть, но так, чтобы понятно было, кого надо бояться и откуда враг идет.

Чтобы попасть в магазин, надо перейти широченную улицу и пройти мимо бутербродной. Запах лука и колбасы проникает за дверь магазина. На стене рекламный плакат: «Спросите о скидках на «Глоки!» «Глок» – короткое слово, похожее на щелчок курка. «Глок» – фирма, производящая оружие. Рядом стоит картонная фигура солдата с винтовкой в одной руке и пистолетом в другой. Форма на нем защитного цвета, лицо измазано зеленым: мас-

кировка. На полках – ботинки, рюкзаки, ремни и маски, наручники, фонари, сумки для амуниции, кобура из черной кожи, намордники.

...у людей все как у зверей. Люди чувствуют боль, как животные. У них память есть и сновидения, как у собак, которые во сне перебирают лапами, вспоминая погоню. Люди бывают злого нрава, как тигры-людоеды, а бывают добряками, как щенята. И плачут люди, как волки скулят, и радуются, как мурлыкающие коты. За манатки свои борются, как собака – за кость. За женщину бьются, как олени – за самку. Помогают друг другу, как обезьяны, которые друг у друга в шерсти блох выискивают.

Совсем маленькие пистолеты на витрине слева. Но продавец говорит, что они только для полицейских. Продавец старый, кожа на его руках потемнела и задубилась от возраста, сосуд в глазу лопнул. Он спрашивает, что Света ищет. Она говорит: пистолетик. Для чего? Ну, чтобы в тумбочке держать, если кто заберется в дом. Понятно, говорит он, для охраны дома. Да, соглашается Света, для охраны.

«Зиг Зауэр» или «Глок», что лучше? Продавец показывает, как опускать казенную часть ствола, как вставлять магазин. Да, пули для них, конечно, тоже продаются. Сначала надо убедиться, что пистолет не заряжен. Вот, возьми в руку. Хорошо лежит? Теперь целись, только не туда, где люди стоят, а в угол. Даже если знаешь, что пистолет не заряжен. Теперь нажми на спусковой крючок. Что-то слабовата ты.

...и поэтому их потомки иногда все же рождаются с шерстью по всему телу и даже с мехом на лице. То же и с хвостом: у наших предков он пропал, но и сейчас иногда бывает, что появляется человек с хвостом.

Могу показать револьверы, говорит продавец. Они тебе больше нравятся? Почему? Потому что дуло и рукоять округленные? Ну да, наверно, форма красивая. Никогда об этом не думал. Вот, нажми на кнопку, что происходит? Барабан откидывается, видишь эти аккумуляторные норки? Для патронов. Вводишь курок. Ставишь палец на спусковой крючок. Нажимаешь.

«Ругер» триста пятьдесят седьмого калибра, «Магнум». Очень хорош. Но слишком тяжел. «Таурус» с длинным дулом. Что, трудно? Надо больше качаться. Возьми в руку «Смит и Вессон» тридцать восьмого калибра. Помнишь, что надо делать? Откидываешь барабан, удостоверяешься, что незаряжен. Поднимаешь, целишься в угол. Вводишь курок. Что, легко? Теперь нажимаешь на спусковой крючок.

Нашла, говорит Света. Мое оружие.

Из револьверов можно стрелять сразу после осечки. Их не заклинивает. Тридцать восьмой – правильный калибр. Мой сын, полицейский, всегда оставляет «триста пятьдесят седьмой» в машине, а «тридцать восьмой» берет с собой, когда идет на задание.

Эти револьверы, они двойного действия, продолжает объяснять продавец. Можно взвести курок и выстрелить один раз, а можно сразу выпустить все шесть пуль, не взводя каждый раз, – но точность от этого может пострадать. Лучше стоять близко к цели.

Когда берешь револьвер, направляй его дуло не на себя и не на друга, а куда-нибудь в угол. Если живешь на втором этаже многоэтажного дома, помни, что дуло нельзя направлять ни в пол, ни в потолок, а только в ту сторону, где нет соседей. Не держи палец на спусковом крючке, пока не пришло время стрелять. Знай свою цель.

...только вот с хилыми и слабыми у человека вышла загвоздка. В природе слабые вымирают, а сильные выживают и размножаются, что ведет к улучшению вида. А у людей слабым облегчают существование. И поэтому они могут и жить, и размножаться.

Не клади оружие на видное место. Не клади оружие под подушку, на тумбочку возле кровати, под матрац или в шкаф для одежды. Не прячь его в шкатулку, где лежат драгоценности. Чтобы купить оружие в Калифорнии, надо предоставить документ, что живешь в Калифорнии: например, принести счет за газ и чтобы в счете был указан твой адрес. Любой

совершеннолетний сотрудник любого предприятия имеет право держать заряженное оружие на месте работы.

...но все же если взглянуть, например, на людей, погруженных в депрессию, то становится понятно, что их привлекательность для противоположного пола намного меньше, чем привлекательность веселых людей. Какая девушка посмотрит на печального парня? Значит, потомства у него будет меньше. Безумных сажают в сумасшедшие дома, где вряд ли у них завяжутся любовные отношения. К тому же (за исключением отдельных случаев) душевная болезнь приводит к ослаблению или угасанию полового инстинкта. А то, что общество заключает преступников в тюрьмы или в некоторых странах казнит их, без сомнения, препятствует их дальнейшему размножению.

Только смотри, в револьвере меньше патронов, чем в «Ругере», скажем.

Это не проблема, отвечает Света, шести мне будет достаточно.

...что же касается совсем не приспособленных к жизни людей, то они кончают с собой или умирают от тоски.

* * *

Когда ей было тринадцать лет, Света сидела у телефона и ждала звонка. Она уже начала подозрительно относиться и к мыслям своим, и к талантам, и в первое мгновение попыталась прогнать внезапно возникшее подозрение: вдруг она никогда уже больше не будет счастлива? Это чувство было навеяно, возможно, разочарованием и слишком долгим ожиданием у телефона, который все не звонил и не звонил. Она сидела в старом кресле (на обивке были фиолетовые цветы) у деревянного столика с черным телефоном. В окне маячил тополь, начисто лишенный листьев и совершенно неподвижный в белом дневном воздухе. Вдали раздавался мужской голос, он, кажется, звал кого-то: эй, там! Но никто не отвечал.

...Задом наперед, совсем наоборот, крутился в голове стишок. Из какой-то книжки. Или мультфильма? Издевательство какое-то – если вдруг окажется, что все совсем наоборот. И зачем? Все же было прекрасно до сих пор, и море, и мать, и Ба, и страна, и даже Вселенная. Прекрасно было дотрагиваться до сухой черепаший кожи, когда соседская черепаха высовывала голову из-под панциря. Прекрасно было, когда по волосам тебя гладила рука старшего товарища, которому понравились твои стихи. Прекрасно было, разморившись на горячем песке, переползти в тень под навесом. Но что если все это было только на время. Что если когтистая лапа загребла все и все отняла у Светы, и больше не отдаст, и больше не будет ничего прекрасного. Будет молчащий телефон, белый дневной свет, неподвижное дерево, голос вдалеке, который зовет не ее.

Задом наперед, совсем наоборот. Ты, что смеялась, будешь теперь плакать. Ты много разговаривала, а теперь замолчишь. Тебя хвалили, теперь тебя будут не замечать. Пусть уж лучше ругают, смеются, чем вот так, молчаливо, одна у окна, перед телефоном. А может, так и будешь, молчаливо, одна, у окна, перед телефоном. Всю. Оставшуюся. Жизнь.

Что, плачешь?

Света действительно плакала и надеялась, что никто не зайдет в комнату. Они бросились бы ее утешать, а она шестым чувством знала, что, как бы ей ни хотелось перестать плакать, любое утешение будет обманом и что, несмотря на слова родных, ничего уже никогда не будет хорошо. Вернее, ничего уже никогда не будет хорошо у нее. У них-то все еще может сложиться, и у соседей, и у страны все будет только лучше и лучше, а у нее уже ничего лучше не будет, ничего уже не поправишь, все уже проиграно, хотя ей только тринадцать лет.

В тот белесый и молчаливый день, когда ей было тринадцать, ей пришло в голову, что, возможно, бывают люди, которым рок судил все пережить в детстве – обожание, свершения,

триумф – и доживать оставшиеся годы, питаюсь лишь памятью и разглядыванием фотографий. *Задом наперед, и все наоборот.*

* * *

Медсестра услышала, как открывается дверь, и, выйдя в коридор, сказала: я уже сделала уколы, собиралась уходить, Валентина Витальевна отдыхает. Она схватила сумку и стала засовывать руки в рукава пальто, но Георгий Иванович остановил ее: подождите, не уходите так быстро. Сколько лет этому Георгию Ивановичу, она не знала, но он все еще был красив, и если бы она любила таких, высоких, седоволосых, в шейных платках, может быть, она задержалась бы, но дома ее ждал брюнет, которому не исполнилось еще тридцати, с цветной татуировкой по всему предплечью. От Георгия Ивановича пахло перегаром, и медсестре еще больше захотелось убежать, как убегала из дома девочкой, когда в дверь вваливался пахнущий перегаром отец.

Подождите, Любочка, посидите со мной немножко, расскажите, как Валентина себя чувствует, а то я всегда один, говорил он, увлекая ее с собой на кухню, пододвигая ей нетвердой рукой стул, наливая вино в стакан. Под его взглядом она пригубила: вино было сладкое, теплое и невкусное. Как здесь неприбрано, простите, Любочка, когда Валя себя хорошо чувствовала, она всегда соблюдала совершеннейшую чистоту. Я вносил беспорядок с улицы, а она его тут же уничтожала. Незамедлительно. Пол мыла каждый день. Ковры запрещала класть, говорила, они только пыль собирают.

Что вы, Георгий Иванович, я никакого беспорядка не заметила, какой у вас красивый дом, я всегда восхищаюсь, когда у вас бываю, пробормотала медсестра и смерила взглядом уровень вина в стакане. Ей придется допить эту приторную жидкость до конца, прежде чем он ее отсюда выпустит, иначе будет невежливо, ей не хотелось его сердить, она всегда боялась пьяных, пусть даже таких знаменитых и интеллигентных, как Георгий Иванович. Но от вина потом голова разболится и сон будет хуже, как бы ей от этого стакана избавиться, ну да, может быть, ничего не попишешь, часть служебных обязанностей – распитие спиртных напитков для поддержания духа у родственника больной.

Да, знаете, Любочка, это совершенно удивительный дом, во всем поселке таких больше нет. Видели, какие здесь маленькие оконца у дач? А какие заросли перед окнами? В них темно, как в заднице советской литературы. А у нас везде светло. Попробуйте найти темный уголок – не получится. Это архитектор был такой, Моков Николай, он рано умер, а подавал большие надежды. Очень любил солнце. Видите, какие окна сделал во всю стену? Даже на потолке окна, а потолки скошенные. Он мне сказал: вы, Георгий, пират. Вам нужен не дом, а нос пиратского корабля. Чтоб вы на нем стояли и командовали. И брали мир на бордаж.

Он широко улыбнулся, показал крепкие желтые зубы, махнул рукой. Действительно похож на пирата.

А знаете, почему так мало мебели? Это все Валентина. Ей нравилось, что дом такой светлый. Она говорила: мы перед этим домом в долгу, не надо его захламлять.

Медсестра затаила дыхание и опрокинула в рот содержимое стакана. Георгий Иванович потянулся было подлить еще, но она закрыла стакан ладонью и сказала: нет, большое спасибо, но больше я не могу, мне пора идти.

А может, ночевать останетесь? У нас две лишних комнаты. Это, знаете, что такое было? Это детские. Да, детские, для двух деток, которых у нас так никогда и не было. А хотите, Любочка, мы вас удочерим? Тогда вам все это достанется. Не дача, нет, дача государственная. Но вот, например, картины на стенах. Смотрите, это мне подарил французский художник. А какой – догадайтесь сами. Или испанский маленький натюрморт, смотрите, какие чудовища ползают по песку, а над ними солнце встает, да.

Спасибо, Георгий Иванович, мне, правда, идти надо.

И рояль вам достанется, продолжал он, не слушая ее. Видите, черный в углу стоит? Вы не умеете? Всегда можно научиться. Валечка моя, когда из детского дома вышла – это был дом для детей врагов народа, между прочим, – когда вышла, сразу пошла к подруге матери и говорит: научите меня на фортепьяно играть. Та тут же согласилась, и за бесплатно. У тех, кто выжили, всегда есть чувство вины. Вы не умеете, нет? Я тоже не могу ни петь, ни играть на инструментах.

Георгий Иванович, у вас столько других талантов.

Талантов, да. Я пират с талантами. Награбил себе гениальности от господ бога. Через месяц опять в Америку с выступлениями зовут. Тамошний читатель жаждет слушать мои стихи. Поедьте со мной, а, Любочка?

Я тронута, Георгий Иванович, но уже надо бежать, говорит она и прошмыгивает в коридор. Срывает со створки шкафа оставленное пальто и, набросив его на плечи, открывает дверь со словами: я приду завтра в то же время, спасибо за вино, было очень приятно...

Георгий Иванович слышит, как ее сапожки чавкают по грязи до калитки, как скрипит щеколда, он успеваает вскрикнуть: что ж, до свидания!

В прихожей мерцает зеркало, Георгий Иванович подходит и смотрится в него, он смотрится в зеркало часами, забывая о том, что свет от лампочки слаб и это полутьма разглаживает морщины, скрадывает возраст. Георгий Иванович молод в зеркале, Георгий Иванович взмахивает рукой и декламирует: я пират, мне пятнадцать, я завоеватель подъездов, конкистадор футбольных полей, капитан хулиганов.

Из тишины поднимается фантомный гул аплодисментов. Bravo, кричат призраки, bravo, бис, еще, еще, еще. Тени встают, целый стадион колыхнется, свистит от восторга. Ты – наш капитан, веди же за собой.

Ему страшно входить в спальню. Ему страшно двадцать четыре часа в сутки – с тех пор, как жена стала забывать слова. По интеллигентской привычке он прочитал все книги, пересмотрел все фильмы о старческом слабоумии, но мужья в этих книгах и фильмах оказывались сильными и смелыми, а в своей душе он не находил ничего, кроме ужаса, ужас переполнял его, выплескивался из горла (его рвало каждый день), заполнял пространство любимой дачи, реял над садом. Для кого я теперь буду пацаном, для кого буду мальчишкой? Кто будет гладить меня по вихрам, кто будет меня журить? Те, с кем он изменял ей, были ее двойниками: женщины старше и тяжелее его, с грозными голосами и повадками королев. Ни с одной он не остался больше чем на ночь. Валентина ждала его, всегда ждала его на этой даче, куда он гордо привез ее сорок лет назад, куда приносил ей спелые персики и груши и смотрел, как она лакомится, куда приводил гостей и наблюдал, какую панику, какой восторг и какую ненависть вызывало молчание красивой женщины за столом, где все пытались друг друга перекричать.

Он слышит крик и бросается в спальню. Жена поднимает с подушек лицо, обрамленное черной копной волос с проседью, и спрашивает: где ты был, Яков? В ее голосе нет ни тени сомнения или робости, он все так же властен: где ты был, Яков? Мне надоело тебя ждать. Я не Яков. Вы с Яковым развелись. Я твой муж, Георгий. Она смеется, она постукивает пальцами о постель: садись, мол. Красный лак на ее ногтях сверкает, ей сделали маникюр два дня назад (она расстраивалась, если краска облуплялась). Этими краснокоготными пальцами она сорок лет варила, стирала, гладила, перепечатывала его стихи (каждый раз – в трех экземплярах) на старой черной машинке, взамен которой отказывалась купить электрическую.

Посиди со мной, Яков, говорит она. Я соскучилась.

Да какой я Яков, вздыхает он. Яков был, да сплыл.

Они познакомились в Приморском, куда Валентина приехала со своим первым, донельзя советским мужем, с обязательными лысиной и пузцом, Яковом Александровичем, который появлялся на каждую трапезу в сером костюме с галстуком и который уехал с полсрока по скучным, важным служебным делам, не успев даже приревновать жену к Георгию Ивановичу. Георгий Иванович казался ему мальчишкой, затершимся в круг обожателей его жены, – но ведь он и взял ее, дочь врагов народа, за восхищение юношей и зависть других женщин, за продолговатые глаза, за волосы, густые и блестящие, как шкурка дикого зверя, за тяжелые груди и бедра, полные тайной неги. Она была его сад, его мать сыра земля; ему не приходило в голову, что она может изменить точно так же, как изменила бы любая вертлявая женушка.

Ты кто ж тогда? Кто ты? Львиная маска лица вдруг искажается испугом.

Я твой муж, Георгий. Разве ты не помнишь? Приморское? Уже второй час, помнишь, у Маяковского, уже второй, должно быть, ты легла...

А может быть, и у тебя такое, говорит жена. Она помнит стихи, но не может вспомнить его лица.

Когда-то они сидели ночью на пляже, было тепло и светло от луны, лунный двойник покачивался на волнах, звезды пели, вращаясь. Полное, загорелое плечо Валентины касалось его худого плеча. Он читал ей позднего Маяковского, отчаявшегося и корявого. Он видел ее аристократический профиль, он хотел доказать ей, что Маяковский был величайшим поэтом, он хотел познакомить ее с Лилей Брик, с друзьями-поэтами, прочесть прилюдно стихи, посвященные ей, Валентине, своей новой музе. Валентина назвала Лилю Брик коротким неприличным словом и отказалась. Он продолжал читать: *я не спешу и молниями телеграмм*, он смотрел на ее саркастическую улыбку и хотел согнать ее, эту усмешку, чтобы она не мешала трагическим словам поэта. Он не знал, как это сделать, чтобы не обидеть Валентину, и не нашел ничего лучше, чем наклониться к ней и удариться в нее губами. Ее мягкий рот раскрылся под натиском, и спустя минуту она сказала: кончай декламировать, ты же просто хочешь заняться *этим* («это» – возбуждающее, порочное слово тех лет).

Это произошло прямо там, на песке, неожиданно и ошеломительно. Ему казалось, что он только хотел объяснить ей, как красивы стихи, и что похоть не существовала тогда в нем или не осознавалась как похоть. Он думал, что в ту ночь Валентина, падая навзничь и делая его рабом на всю жизнь, просто поддалась мгновенной прихоти, усталости от партийного мужа или желанию снова почувствовать себя юной. Но Георгий, в свои двадцать два года уже авангардист, уже любимец публики, уже головная боль для писательского руководства, Георгий погружался в это тело безвозвратно и навсегда – как самоубийца в море, как безумец в зыбучие пески.

* * *

Повернуть рычажок, налить кофе, повернуть другой, налить молока. Дать картонную чашку, взять деньги, отсчитать сдачу, поблагодарить, если оставят на чай. Посмотреть по сторонам, подходит ли другой покупатель. Если нет, взять книжку, открыть на заложенной странице, начать читать.

...живых существ рождается слишком много, и если бы их не уничтожали, они скоро заполнили бы весь мир. Поэтому они между собою борются за право на эту самую жизнь, и в этой борьбе выживают сильнейшие. Да и что такое жизнь, если не бесконечное уничтожение друг друга. Птичка поет, но при этом съела червяка, убила мошку, и уже крадется хорек, чтобы эту самую птичку или яйца ее съесть. Две березки рядом растут, на одну больше солнышко падает, на другую меньше, и первая обязательно так корнями рас-

пространится, что вторая засохнет. Ничто не живет не борясь. Каждый твой вздох есть смерть кого-то другого. Еды на всех не хватит.

Света чувствует, что на нее смотрят. Она поднимает глаза. Загорелый, улыбается, в серо-зеленой форме зоопарка. Лицо знакомое. Что ему нужно?

Простите, можно с вами поговорить? Мне сказали, что тут русская девушка работает. Может быть, это вы? Я тоже русский. Я пришел познакомиться. Меня зовут Эрик.

Да, это я, меня Света зовут. А вы откуда?

Я из Одессы. А вы?

Я из Крыма. Выросла там. Но потом в Москве жила. А знаете, Эрик, кажется, я вас уже видела.

Вы были на лекции «За кулисами зоопарка»?

Была, точно, когда здесь работать начала.

Вот! Я там зверей на поводке выводил. Света, а можно у вас капучино попросить? Спасибо. Вот...

Нет, Эрик, угощайтесь, это за мой счет. Мне очень понравилось на ваших зверей смотреть. Только я не понимаю, как вы их не боитесь. Как этого странного зверя звали, которого вы на поводке привели?

Бинтуронг, кот-медведь, его еще называют банановый медведь, хотя он, конечно, никакой не медведь и не кот, и не банан, сами понимаете. Он из семейства виверровых, это вообще совсем другие животные. Видели, как он хвостом загребает? А чем он пахнет, помните?

Попкорном.

Точно!

А фламинго я испугалась! У них страшные клювы. Птиц я вообще боюсь. Крыса – другое дело. Мягкая такая. Как звали ту сумчатую крысу?

Звали ее Минна, а животное называется кускус, как восточная еда. Они родственники коал. Я с коалами не работаю, но приятельница...

Скажите, а как вы здесь оказались?

Я с родителями приехал, еще подростком. А вы?

Сначала я сюда лечиться приехала, а потом осталась. В Крыму непонятно что делать, и в Москве тоже ничего не выходило. А здесь все-таки какая-никакая, а работа. У меня мама на руках, приходится крутиться. Вечером я в ресторане подрабатываю, барменшей. Хотите еще кофе?

Спасибо, Света. А можно я вас угощу сушеными финиками? Я очень финики люблю. Только нужно, чтобы они были холодные. Видите, на пакетике моя фамилия – это чтобы кто-нибудь их из холодильника не украл. Наши сотрудники любят полакомиться. А холодильник один на всех. Так что мы помечаем пакетики с продуктами. Эрик Смирнов, к вашим услугам.

Приятно познакомиться! А я – Лукина.

Света Лукина! Это красиво. Как у моей любимой поэтессы.

Вашей любимой?

Да, была такая девочка – вы про нее не знали? Света Лукина, писала стихи. У нее книжка вышла, когда я в первом классе учился.

Света смотрит на Эрика.

Расскажите про нее.

Совсем маленькая девочка и писала гениальные стихи. Родители мне их вслух читали. Про природу, про детство, про фонари на улицах. Я до сих пор некоторые помню.

Может ли быть, что он узнал ее. Когда была студенткой в Москве, люди иногда подходили на остановках троллейбуса, говорили: вы так похожи на Свету Лукину, была такая девочка, писала стихи. Иногда она отвечала: это я и есть. Но они не верили, зачем бы она

ездил на троллейбусе, смотрели с подозрением. А чаще ее никто не узнавал, хотя ее лицо почти не изменилось. Все забыли, как она выглядела, забыли, кем она была.

А может, это я и есть.

Вы?

Не верите? Не может бывшее дарование кофе торговать?

Нет, серьезно? Это не шутка?

Не верит.

Звук приходит от небес – в темный лес. Проникает в норы лис, в гнезда птиц...

Потрясающе. Невероятно. Сама Света Лукина. Здесь. Не ожидал. Можно, я к вам прикоснусь?

Она смеется, кивает. Он протягивает руку и дотрагивается до ее кисти.

Удивительно, что мы с вами встретились. Кофе и поэзия – они, конечно, всегда бок о бок идут. Что вы читаете, Света? А я думал, стихи... Но Дарвин – это тоже очень хорошо. Прекрасная книжка. А вы еще пишете?

Нет, я еще подростком бросила писать. Вы меня, наверное, по телевизору видели? Я выступала когда-то в программе «Взгляд», лет, наверное, десять тому назад. Сказала, что стихов больше не пишу. Живу просто так, куда жизнь выведет.

Он улыбается широко-широко, смотрит прямо на нее. Отчего он так счастлив? Оттого ли, что они вспомнили семейство виверровых, оттого, что он выводил на поводке сумчатую крысу с шелковой шерстью, оттого ли, что он может гладить носорога, причесывать зебру, оттого, что он познакомился с бывшим юным дарованием, которое в тридцать лет торгует кофе в зоопарке? А вдруг они подружатся, а вдруг он ее полюбит, вот такую, разочаровавшую всех, бывшую. Его губы раскрываются, он вот-вот что-то скажет, что же он скажет ей, что.

А вам какого зверя хотелось бы потрогать, Света?

Гиппопотамы.

Никак нельзя! Они очень опасные. Но красивые, правда? Выплывают из тумана, лапами перебирают очень грациозно. Света, вот вы – замечательный поэт, мне стыдно вас спрашивать, но – можно я прочту вам стихи? Дурацкие стихи, конечно, не стихи даже, а стишки, просто чтобы посмеяться?

Ну, давайте, говорит Света.

Бегемот, бегемот, бежевая туша. Открывай пошире рот, чтобы травки скушать. (Вы ведь знаете, Света, что гиппопотамы – они пасутся как коровы? Но при этом очень опасные существа.) *Бегемот, бегемот, ты похож на свинку...* Ах, простите, я вижу, люди за кофе подошли. Сейчас не время.

Спасибо, Эрик, за знакомство и за стихи.

У прилавка стоят папа с сыном, переминаются с ноги на ногу и улыбаются через силу, ждут, пока продавщица перестанет говорить на непонятном языке с человеком в серо-зеленой форме.

Простите, что надоел вам, Света, я к вам завтра еще подойду, если можно.

Эрик подошел к ней и на следующий день.

Она отложила книжку. Борьба за выживание может подождать (под бежевой обложкой коты уничтожали крыс, люди уничтожали котов, крысы распространялись в геометрической прогрессии и приносили чуму, чума уничтожала крыс, людей, собак).

Эрик напоминал ей мальчика с открытки, херувимчика, пионера, такое все в нем было открытое, ладное, такими широко открытыми глазами он смотрел на нее, стоял у палатки и забывал пить кофе из картонного стакана, кофе остывал, он глотал холодный напиток и не морщился. Он читал стихи про кенгуру и слонов, рассказывал, что снимает комнату, что в квартире еще два постояльца – Вики, которая работает с коалами, и ее парень. Что он,

Эрик, хочет оттуда куда-нибудь переехать (куда-нибудь, где недорого). Что он, Эрик, видел Свету по телевизору, когда она совсем еще девочкой читала стихи и держала маму за руку, а когда переставала читать, в смущении прижималась лицом к маминому плечу. Что тогда у Светы была точно такая же челка, как сейчас. Что он видел ее фотографии в журнале, когда она выросла, и что он вырезал ее портрет и повесил у себя на стене в их квартире в Одессе, и что фотография провисела там до самого их отъезда, и что там были снимки других детей, которые стихи писали или играли на фортепьяно. Эрику с трудом верилось, что все они такие молодые и уже такие талантливые, и он ими дико восхищался, когда читал о них в газетах, и бабушка его тоже восхищалась, у них с бабушкой мнения всегда совпадали. Что он хотел взять Светину фотографию с собой в Америку, но он все откладывал момент, когда снимет ее со стены, потому что ему ничего не хотелось менять в комнате, ему вообще ничего не хотелось менять, ему совсем не хотелось уезжать, родители взяли его с собой против его воли. Что он счастлив, что они здесь познакомились, он расскажет родителям, они удивятся! А не хочет ли она пойти посмотреть, как он будет мыть клетку выдры? А еще он готов познакомить ее с Вики, если ей хочется потрогать коал. А можно он прочтет ей еще стишки?

Про лемурув?

Про вомбатов?

Про снежного барса, который играет в снежки со снежной бабой на заснеженном плоскогорье?

* * *

Мама, у нас лишняя спальня, давай возьмем жильца.

Как так лишняя, Света, в одной я сплю, в другой ты, какая же лишняя?

Мама, мы с тобой можем в одной спальне поместиться, тогда другая освободится, и туда сможем поселить жильца. Во-первых, от него будет доход, пусть маленький, но все же каждый месяц. Во-вторых, когда я по ночам работаю, тебе будет с кем поговорить.

Скажешь тоже, поговорить! Ты лучше, знаешь, бросай-ка эту работу дурацкую. Что это за ресторан такой, где почти всю ночь оставаться надо. И приходишь ты оттуда – страшнее в гроб кладут, круги под глазами, худющая вся. А утром опять в кофейную палатку. Зачем ты в эту лотерею играла? Что, тебе тут стало лучше от гринкарты?

Мам, без гринкарты я бы здесь работать не смогла. И ни с кем не познакомилась бы. Мам, ты бы меня хоть раз поблагодарила за переезд.

Да я сюда, Света, только ради тебя переехала. Чтобы тебе здесь одиноко не было. Лучше бы в Приморском остались, ты бы там тоже в ресторан пошла работать, если тебя так на кулинарию тянет. И не официанткой никакой, а в руководстве. Но тебе же главное, чтобы на тебя смотрели. Ты всегда хочешь быть в центре внимания. А если бы в Москве чего-нибудь поискала! Ну ладно, живи как хочешь. Но я ведь творческий человек, Света, я пишу картины, мне нужно спокойствие и вдохновение. Лишний человек в доме может мне помешать. И потом, если у нас будет жилец, как я, по-твоему, буду с ним разговаривать?

Я найду такого, чтобы по-русски говорил. Парня знакомого. Чтобы в доме был мужчина, а то вдруг кто заберется.

Да кто сюда заберется, кому мы нужны.

Что ты, не видишь, сколько бродяг вокруг. В парке на траве валяются.

Ты про интеллигентных людей в парке? От них действительно плохо пахнет, но вчера они восхищались моим этюдом на пленэре. Нам трудно было друг друга понять. Это ты у нас как кузнечик: ля-ля-ля, дзынь-дзынь-дзынь, трынь-трынь. А я могла только показывать и руками махать. Но им очень понравилось. Они трясли головами и говорили: гуд, гуд, мэм,

вери гуд. Ты мне, кстати, кисти купила, которые обещала? Света, где твоя голова, магазин же только через дорогу? Нет, я сама не могу, мне же трудно на их языке объясняться, а тебе легко. Пойди и купи, а то моя тонкая кисточка совсем уже облысела.

Мам, так что ты думаешь, давай жильца возьмем. У меня один русский парень есть на примете, он в зоопарке техником работает. Его сюда родители привезли, он и по-русски, и по-английски хорошо говорит. Он тебе понравится, умный такой, стихи пишет шуточные про зверей.

И он мне их читать будет? Ой, не знаю, Света. Все-таки посторонний человек в доме. А какая гарантия, что он не сумасшедший? Вдруг на него найдут что-нибудь, а ты на работе. Я тут одна, старая, меня прибить легко.

Какая же ты старая, тебе даже нет шестидесяти, и он никого прибавить не будет. Он добрый. Такие всех любят. Вот, смотри, что он про бегемота написал: *«Бегемот, бегемот, бежевая туша...»* Забыла середину. Что-то вроде: *«А вчера, наоборот, никого не скушал»*.

Ты это называешь поэзией? Вижу, Светочка, что ты снизила планку. Ну да где же тут увидишь истинных поэтов. Художников. Мыслителей. Люди в парке, конечно, интересуются искусством, но разве это настоящие интеллигенты? Настоящие были у нас, в Приморском. Жаль, что там жизнь стала такая невыносимая. Иначе бы никогда оттуда не уехала. Никогда, Света! Не спорь со мной.

Мам, тут будет гораздо лучше, если у тебя будет компания, которая и по-русски говорит, и стихи любит. Ну, пусть у него сейчас стишки плохонькие. Но ты ведь можешь его развивать. Ты можешь ему объяснить, что такое поэзия. Вон у нас стоят Пастернак, Ахматова. Ты можешь ему почитать. Он будет очень рад и благодарен. Такую женщину, как ты, здесь не встретишь. Надо, чтобы с тобой как можно больше людей познакомилось.

Ой, не знаю, Света, что ты затеваешь. Ну, пусть он к нам на День благодарения придет. Я на него посмотрю. Мы же этот день еще ни разу не отмечали, а я думаю, все же таки надо попробовать что-нибудь такое приготовить. Прикоснуться, так сказать, к их национальному духу. Ты мне, пожалуйста, индейку купи. Только свежую, смотри. Когда пальцем давишь, ямка почти сразу должна исчезать. Это значит, мясо упругое, молодое. Не забудь, пожалуйста. А то у тебя же ветер в голове. Сегодня один план, завтра другой. Сегодня жилец, завтра, небось, переехать куда-нибудь захочешь. Беда одна с тобой, Света.

Я все куплю, и кисточку, и индейку, не волнуйся, мама, все будет хорошо.

Нет, ничего хорошо не будет. Ничего уже никогда не будет хорошо! Ты шарф надела? Мама, на улице двадцать градусов, какой шарф.

На улице зима, Света, опять простудишься, опять будет горло болеть, не жалуйся тогда. Надень шарф. Не этот серый, красный надень. Красный больше к черному пиджаку подходит. Надень красный шарф, который я тебе на день рождения купила. Что, не хочешь? Ну не хочешь, не надо. Я же как лучше хочу. Хочешь по-своему поступать, поступай по-своему. Только потом это все боком выходит, когда ты меня не слушаешь. Ключи взяла? А то опять забудешь.

* * *

«Дорогая Светлана, пишет тебе Павел, тридцать один год, по профессии токарь. На политзанятии нам читали твои стихи в «Комсомольской правде». Они мне очень понравились, и я решил тебе написать. Я не знаю твоего адреса, поэтому пишу в редакцию газеты с просьбой передать мое письмо Светлане Лукиной. Прости, не знаю твоего отчества. Тебе всего девять лет, а я уже взрослый; ты живешь в Крыму, а я в Сибири; и все же, думаю, нам было бы о чем поговорить, если бы мы встретились. Я, как и ты, люблю деревья, колосья и птиц. Когда бываю в деревне, выхожу иногда на просеку и думаю: зачем природе понадоби-

лось, чтобы это все вот так было? По законам материализма, мир развивается, преодолевая внутренние противоречия. А куда он развивается? Он развивается от низшего к высшему, а высшее есть человек и общественные формации. Ты еще ребенок, а уже тебе в голову приходят вопросы, относящиеся к развитию мира и роли человека в обществе. Ты сочинишь стихи о природе, о дружбе и о семье. У меня возникло впечатление – я встал и сказал об этом на политзанятии, когда мы статью в «Комсомольской правде», обсуждали, – что ты в своей формации одинока, что мало кто тебя понимает, ведь ты задаешь такие вопросы, на которые не каждый взрослый сможет ответить. Если захочешь поделиться со мной своими соображениями по поводу природы и человеческого предназначения – или любыми другими соображениями, – пиши мне по адресу, который я прилагаю к этому письму. Буду рад получить от тебя открытку или письмо. Прилагаю свою фотокарточку, чтобы ты знала, кому пишешь. Искренне, Павел С.»

* * *

Эрик, ты говорил, что комнату ищешь. Переезжай к нам? У нас две спальни, в одной мы с мамой, другая пустая стоит, мы ее давно сдать хотели.

Света, спасибо тебе большое, но я даже не знаю. Я действительно комнату хотел снять, но, думал, с друзьями.

Да ты подружись с моей матерью! Она готовить любит, наверняка будет кормить тебя бесплатно. Или ты боишься, что она тебя заговорит? Это верно, она здесь никого не знает, но она очень интересная женщина, художница, правда, своих выставок у нее не было, очень любит поэзию, ты ей стихи считаешь, она тебе тоже – свои любимые часами читать может.

Она любит стихи про зверей? У меня же только про зверей. Вчера написал про вомбата. Хочу охватить всех сумчатых, чтобы Левченко показать, когда приедет. Помнишь, я тебе читал стих про коалу? *«Коала, коала, куда ты пропала? Я очень устала коалу искать!»* Это как бы Вики говорит, помнишь, я тебе про Вики рассказывал? Она с коалами работает. Надо пойти познакомиться, кстати. А вот коала отвечает: *«Я не убежала, я не пропала, я просто на ветке устроилась спать»*.

Маме очень понравится. И в комнате у тебя будет письменный стол, чтобы сочинять за ним.

Стихи ко мне обычно приходят на работе. Я их много раз повторяю и запоминаю навсегда. Ты не забыла, что мы с тобой в конце месяца на концерт идем? Света! Правда, забавно: ты ребенком писала серьезные стихи, а я во взрослом состоянии детские стишата сочиняю. Они у меня дурацкие, конечно. Я нас не сравниваю.

Совсем не дурацкие, Эрик. Мне сразу очень понравилось, когда ты их мне стал читать. Не ожидала ничего такого на работе услышать. Ты сколько сейчас за комнату платишь? Вот и нам можешь столько же платить. Мы тебя не разорим. Потом, как я уже сказала, кормежки будет много бесплатной и много благодарных слушателей для стихов про зверей. Мама и я. Хорошо, может, не очень много слушателей, но зато каких! Благодарных и разбирающихся в поэзии. Ну что, я тебя уговорила?

Даже не знаю, Света. Спасибо тебе огромное, но я даже не знаю. Мне, конечно, очень приятно. Все же боюсь, я вас с мамой буду стеснять. Вы всегда вдвоем жили, а тут вдруг такой, как я, въедет. Шумный. Неловкий. Зверьем будет пахнуть.

Вот что, Эрик, если не можешь решить, приходи к нам в гости на День благодарения? Мама тебя приглашает. Она индейку запечет. Ты и с мамой познакомишься, и на квартиру помотришь. Если понравится, переедешь, если не понравится, то без обид. Придешь? В четыре? Договорились, смотри, не забудь.

* * *

...если вид хочет выжить, он должен измениться так, чтобы лучше приспособиться к условиям окружающей среды. Какие виды не изменятся – их уничтожают. Неумолимо природа умножает приспособившихся, выкорчевывает слабаков. Чем родственнее два вида, тем больше один теснит другого. Если ноги длинные или крылья широкие – выживешь. А если ни того, ни другого, на свалку тебя. Очищай место для тех, у кого широкие крылья и длинные ноги. Они тебя счастливее, они тебя здоровее. Так что приспособляйся. Приспосабливайся, говорю, а не улучшайся. Если ты инфузория, то на кой тебе голова. Тебе лучше ресничек побольше, чтобы плавать быстрее, чем другие инфузории. А если у тебя, паче чаяния, голова разовьется, то вымрешь быстрее безголовых. Родился оленем, прыгай повыше и бейся почаще, чтобы тебя самка выбрала, а не стой, задумчиво глядя на закат, – вымрешь, мечтатель. Если ты насекомое, то, бывает, лучше обескрылиться, чтобы тебя сильный ветер в море не сдул. А если крот, закрой глаза и слепни, слепни, слепни. Слепой быстрее роет.

* * *

Ева, можно твою помаду взять? Я забыла свою.

Бери, конечно! Как это ты все успеваешь, и здесь, и в зоопарке. Ты там в кофейне работаешь, да?

Да, там в кофейне, здесь в баре, и все равно денег не хватает. Не знаю почему. Кручусь как белка в колесе, экономим вроде на всем, кроме маминых кисточек, а денег как не было, так и нет.

Света, читала книжку «Тайна»? Это то, что тебе сейчас нужно.

Нет, не слышала про такую. Детектив?

Нет, про то, как надо жить. Весь мир состоит из энергии. То, что нам кажется материей, на самом деле тоже – вибрирующая энергия. Понимаешь?

Да, этому, кажется, физика учит.

Ну так вот. Через весь мир проходят вибрации. В том числе очень тонкие. Тонкие вибрации – это от наших мыслей. Слышишь?

Да, слышу тебя.

Ну так вот. Знаешь, что надо делать, чтобы получить то, что хочешь?

Что, Ева?

Надо просто попросить то, что ты хочешь, у Вселенной. Надо настроиться на ту же волну, что и Вселенная, и попросить у нее, и она тебе все подарит, что ты хочешь. Вот ты, чего ты хочешь?

Не знаю.

Вот, например, скажем, ты машину какую-нибудь хочешь. Ну, например, «Феррари». Надо себе представить, что «Феррари» у тебя уже есть. Надо завести ему место для парковки, как будто бы он там уже припаркован был. И надо почувствовать благодарность за то, что тебе послан «Феррари». Как будто бы он уже есть.

Но его нет?

Его нет, а ты Вселенную благодаришь, как будто бы он уже есть. И тогда Вселенная – вот увидишь! – pošлет тебе «Феррари». И так во всем.

Во всем, Ева?

Да, во всем совершенно. Если хочешь любви, надо представить себе, что любовь у тебя уже есть. То же самое с успехом, со здоровьем, ну и с деньгами, понятное дело! Если у кого нет успеха, это потому, что они думали неуспешные мысли.

Какие мысли?

Неуспешные. Ну, «у меня не получится». И действительно не получается. Или там: «ой, боюсь, я заболею». И точно заболеваешь.

Значит, все в наших мыслях?

Да, Света, все в наших мыслях. Стоит только захотеть, и все у тебя будет.

* * *

«Дорогая Светлана, пишет тебе Сердкова Нина Владимировна. Купила вчера твою книгу в киоске, привезла домой, решила почитать перед сном и так зачиталась, что всю ночь не могла оторваться! Утром еле встала, чтобы на работу идти. Светочка – можно так к тебе обратиться? (я тебе в мамы гожусь) – Светочка, твои стихи меня настолько потрясли, что я решила тебе написать. Адреса я твоего не знаю, поэтому пишу на адрес издательства и надеюсь, что они тебе мое письмо передадут. С чего начать? Даже не знаю. Во-первых, разреши тебя поздравить, что так рано в жизни ты уже нашла свое призвание. Это мало кому удастся! В голову приходят только Моцарт и Пушкин. Во-вторых, разреши выразить признание твоим родным и близким, которые вырастили такую замечательную дочку. А в-третьих, хотелось бы сказать несколько слов о том, что меня особенно тронуло. Особенно меня тронуло, Светочка, что ты так глубоко проникаешь в жизнь тех, кто тебя окружает. Ты же еще ребенок, а уже столько знаешь. Ты чувствуешь одиночество тех, кто стоит на пригородной платформе и ждет поезд в тщетной надежде, что наконец приедет возлюбленный. Ты чувствуешь горечь непонимания, немоты, обиды. Боль, когда тебе лгут. Отчаяние, когда тебя оставляют. Ты пишешь о том, как убегает время, чтобы никогда больше не вернуться. О том, что надежда может обмануть, а встреча – никогда не состояться. Откуда это в тебе, Светлана? Откуда восьмилетний ребенок может все это знать? Я не могу это назвать иначе как «чудо». Да, ты – чудо, которое произошло с нами, в нашей стране, в нашей жизни. Как бы мне хотелось защитить тебя от всего страшного, грубого и жестокого, что может произойти с ребенком! Но мы живем далеко друг от друга, и это вряд ли возможно. Разреши же мне благословить тебя на дальнейшие творческие успехи, на новые стихи, на любовь и на все прекрасное, что с тобой в жизни обязательно случится! Спасибо за то, что ты есть, Светлана».

* * *

Эрик, спросила мама, вы хотите курить? Не стесняйтесь, у нас все курят. Я курила, когда Света маленькая была, тайком, а она подглядывала. Потом, когда она подростком стала, я смотрю, у меня кто-то сигареты из сумки таскает. Ну, я быстро догадалась, кто это мог быть. Ты с чего, Света, курить начала? Мало тебе, что мать и Ба себя травили, и ты туда же захотела? А вы знаете, Эрик, наша Света лет до тринадцати пустышку сосала. Вот сосала и сосала. Надо было выкинуть эту соску, а мы зачем-то сберегли, так она сосать не переставала. Говорила, это ее успокаивает.

Это меня действительно успокаивало, сказала Света, мне от пустышки хорошо было – ну и что? Ты взревновала, что ли, к пустышке? Теперь у меня вместо нее сигареты, приятно так, когда дым глубоко вдохнешь, как будто обнимает кто изнутри.

Обнимает кто изнутри, вы только послушайте ее, Эрик! Можно подумать, ее мало обнимали. Да с ней в детстве так цацкались, как больше ни с кем. Она у меня была зеница ока, и у Ба она была зеница ока, единственный ребенок, солнышко наше. Я ей с младенчества

стихи читала, песни пела, на пляж ее каждый день водила, Ба ее учила на пианино играть, бабушка ее, отец мой, пока жив был, ходил с ней на лодке рыбу удить, только она не помнит ничего, наверное.

Дедушку очень даже помню, он добрый был, не понимаю, почему вы с Ба его со свету сжили.

Тоже придумала, со свету сжили, постыдись гостя, что он о твоей семье подумает. Умер наш дедушка рано, у него было слабое здоровье, его на фронте ранило. А пока жив был, все время со Светочкой возился. Мы ее развивали так, как здесь детей не развивают. Ездили с ней по стране, в Москве были на Красной площади, в Мавзолее, в Музее Пушкина. Ей еще пяти не было, а она где только не побывала! Она вам рассказывала, Эрик, что в детстве стихи писала?

Мам, Эрик сам стихи пишет. Про зверей. Эрик в зоопарке техником работает и там же про зверей стихи пишет в свободное от работы время.

Надо же, как интересно, про зверей, наша Света тоже про зверей писала, но больше про любовь, и про одиночество, и про осенние листья, и на тему мира без войны, и еще много у нее стихов было...

Эрик, тебе положить еще кусочек индейки? Мы с мамой сегодня весь день возились. Это наша первая индейка в Америке. Столько лет уже здесь живем, а индейку никогда не готовили. Дома у нас всегда вареная курица была.

Правильная начинка, вот что самое важное для индейки! Знаете, Эрик, мы, значит, масло в кастрюле растопили, потом туда яблоки, зелень, клюкву (сухую, разумеется), шалфей с розмарином кидаем, и варим, варим, ну, соль, перец, сами понимаете, потом, знаете, охлаждаем. А саму индейку надо фольгой покрыть перед тем, как в духовку ставить, только потом можно эту фольгу снять, и какой сок с индейки натечет, этим соком ее надо время от времени поливать, открыв духовку. Вы знаете, Эрик, что День благодарения знаменует? Это идет от первых англичан, которые сюда переселились и почти все сразу умерли. Но летом индейцы научили их сельскому хозяйству, и потому, когда они собрали первый урожай, то отметили его Днем благодарения. Вот с тех пор в этот день надо благодарность выражать за все хорошее, что в жизни случилось. Вот вы, Эрик, за что в этом году благодарность выражаете? Я, например, выражаю благодарность за то, что моя дочка со мной живет. Мы с ней совершенно неразлучные. Я бы сказала, что мы лучшие подруги. Такое очень редко у матерей с детьми бывает.

Ну, когда я была ребенком, мама, мы вовсе не были подругами. Тебе гораздо интереснее было со взрослыми общаться. Особенно со взрослыми мужского пола.

Что ты такое выдумываешь? Ты всегда с нами была. А люди вокруг и впрямь были интереснее. Мы, Эрик, в Приморском жили. Вы про Приморское слышали когда-нибудь? Там очень известное побережье. Летом туда люди творческих профессий приезжают. Поэты, актеры, музыканты. Многие за мной ухаживали. Я была не из простушек. Давайте я вам фотографию покажу. Вот, видите, это я стою за мольбертом. Я тогда длинные волосы носила и рубаху из индийского шелка, такая была мода. Мольберт мой, у меня была своя мастерская, я в выставках участвовала. Писала маслом, предпочитала на пленэре. Ну, как я вам? Ничего, симпатичная? Вы бы за такой стали ухаживать? Не смущайтесь, не смущайтесь, Эрик, что теперь говорить, была когда-то красота, да вся вышла. А вот Светочка наша, на гипсовой балюстраде стоит, и что у тебя, Света, вид всегда такой набыченный был? Ни улыбки, ни жеста какого дружелюбного. Тебя бил разве кто?

Мне просто обидно было, что Ба меня опять к себе на работу ведет, с твоих глаз долой.

Ну что ты выдумываешь, можно подумать, это наказание было, с Ба на работу пойти. Вы знаете, Эрик, кем наша Ба работала? Света вам не рассказывала? Она экскурсии водила по музею. Жил такой удивительный человек, поэт и художник. Он сам себе дом построил в

конце XIX века и стал к себе знаменитых поэтов и художников звать. Они к нему приезжали и оставляли ему картины, рукописи, предметы личного обихода, в общем, в результате после его смерти целый музей образовался, и мама моя, Светина Ба, там экскурсоводом работала. Она иногда Свету с собой брала, когда ее оставить было не с кем, она ведь, знаете, без отца выросла, мы с матерью работали, а дед болел все время, да и выпивал сильно, что греха таить. И что ж тебе, Света, плохо было, что ты за экскурсантами ходила и разнообразные факты из жизни поэтов слушала, когда тебе еще пять лет было? Я, наоборот, считаю, что эти походы в музей сыграли очень важную роль в твоём умственном развитии.

Да, на самом деле я очень этот музей любила и муза своего там встретила.

Что, Света, не пойму, музы там действительно обитали, окружение у Светы всегда было музическое: я художник, Ба – культурный работник, дед наш, правда, из-за войны остался без высшего образования, но человек был очень умный, очень глубокий, вы уж поверьте, Эрик.

Когда Ба водила экскурсии, я за ней шла и представляла себе, что в этом доме я жила в какое-то предыдущее рождение и что я была тем самым поэтом, и это ко мне в гости приезжали все эти люди, и что на доме висит теперь табличка с моим именем. Ты, Эрик, веришь, что мы много раз рождаемся и много жизней проживаем? Я вот как-то раз об этом в музее замечталась и отстала от посетителей – я была совсем одна в комнате, там букет с сухой полынью стоял, запах этот как сейчас помню, и еще там сумеречно как-то было, и тут, знаешь, появляется вдруг как бы вот из ниоткуда фигура в темной такой одежде. Он подходит ко мне и спрашивает: «Что ты тут одна делаешь?» Мне стыдно было, что я стою одна, где не положено, и что мечтаю, что это мой дом – хотя он этого знать, конечно, не мог. И тогда он быстро нагнулся ко мне и поцеловал, а потом растворился в сумерках, как будто его и не было. А когда он меня целовал, у меня как будто ноги от пола оттолкнулись, и я к потолку воспарила мимо букета с полынью.

Ну, нашла чем перед Эриком хвастаться, это тебе просто извращенец попался! И почему матери-то не рассказала? Вот она всегда так, Эрик, родным ничего не скажет, а чужим все готова выложить.

Может, и извращенец, мама. Откуда мне знать? Только тогда так не казалось. Мне было, как будто дух дома из стены вышел и ко мне прикоснулся. Потому что я не совсем уверена, что это на самом деле было. Может быть, мне мой муз просто привиделся. Ночью, вместо того, чтобы спать, как все нормальные дети, выхожу я к маме с Ба в ночной рубашке – а они на кухне сидели – и говорю: стих сочинила, вот, можете записать? «Тех поцелуев больше нет, а есть домов пустые комнаты...» Помнишь, мам?

Ой помню, Светочка, мы с Ба переглянулись, думаем, с ума сошел ребенок, наслушался где-нибудь взрослых стихов. Но, знаете, Эрик, записали все-таки, чтобы потом у друзей спросить – откуда такое? И что вы думаете? Никто не мог вспомнить, чтобы это какой-нибудь известный поэт написал, хотя всем казалось, что где-то они это уже слышали.

Никто тогда не верил, что это я сочиняю. Мама с Ба долго-долго всех пытались убедить. А потом наконец, когда люди поверили, тогда и журналисты приехали.

Вам, Эрик, Света рассказывала, как к нам журналисты приезжали, чтобы о ней писать? Она тогда совсем маленькая была, восемь лет всего! Журналист приехал и фотограф, оба из «Правды».

Нет, мам, не из «Правды», а из «Комсомольской правды». Эрик, ты, наверное, не помнишь, что такая газета была. Самая главная для советской молодежи. Она и сейчас есть.

Ну нет, Светочка, ты все неправильно запомнила, это «Правда» была, а вовсе не «Комсомольская правда». У тебя уже все перемешалось в голове. Это оттого, что ты официанткой работаешь. Мозги постепенно атрофируются. А в детстве у нее, Эрик, прекрасная память

была. Я ей одно стихотворение прочту на ночь, так она его сразу запоминает. Утром могла мне наизусть продекламировать.

Да нет, мам, это ты ошибаешься, а не я. Газета была «Комсомольская правда». Зачем «Правде» было бы обо мне писать? «Правда» взрослыми делами занималась, а «Комсомолка» – молодежью.

Почему же тогда не «Пионерская правда»? Все ты, Света, путаешь, во все ты, Света, неразбериху вносишь. Еще берите кусочек индейки, Эрик! И вот этого соуса из смородины. Ну что, что ты, Света, на меня так смотришь? Если не веришь мне, пойди найди заметку. Она у меня в синей папке на шкафу лежит. Да, что? Я все заметки о тебе собирала и с собой привезла. Ты же моя дочь. У меня больше дочерей нет. Ну. Пойди, пойди, найди ее! Прочти нам вслух, Эрику интересно будет послушать. Что, лень тебе? Тогда я сейчас ее найду. Да, вот такая наша Светочка была известная, такая она у нас была талантливая. Ее вся страна знала. Сладкое будете?

Да, Эрик, вот тыквенный пирог, возьми кусочек! Знаешь, как я испугалась, когда учительница газету с этой статьей в класс принесла? Читает, значит, учительница про меня статью, а я сижу, сжалась вся, хочу под парту спрятаться. Очень боюсь, что учительница меня заругает: притворялка ты, Света, надо же такое выдумать.

Светочка у нас всегда была очень скромная, Эрик. Маленькая такая, болела все время. Поэтому и поверить никто не мог, что она у нас вундеркинд. На нас с ее Ба все смотрели искоса. Две женщины, интеллигентные, одинокие, увлекаются искусством. Понимаете, для обывателей это – как красная тряпка для быка. И девочка наша стихи сочиняет. Мамы ее одноклассниц на меня злились. Мол, почему их дети ничего придумать не могут, а мою весь Крым знает. А что я могла сделать? Разве я гениального ребенка заказывала? Я считаю это, наоборот, был мой крест. Так я и говорила этим дамам: Светин талант – это мой крест.

Там написали еще, будто я ночью к маме подходила и говорила: «Меня стихи душат». Ну, не душили они меня. А так только... К горлу подступали.

Говорила-говорила, Светочка. Я как сейчас помню. Подходит ко мне эта девочка, Эрик, в одной пижаме, шлепает босыми пятками по полу. Я на нее чуть не закричала, знаете, чтоб она пошла тапочки надела, а то опять простудится. А она поднимает на меня свои глазоплошки и шепчет: мам, мам, меня стих душит. Пойди со мной, запиши, а то удушит совсем. Такая была трогательная, я прямо чуть не прослезилась.

Ну, я не помню, чтобы такое было. И не понимаю, зачем Ба журналисту сказала: она у нас все детство в квартире просидела, друзей у нее не было.

Но это же правда, Света, ты у нас все время болела и дома сидела. А дома-то у нас только взрослые. И знаете, Эрик, она уже в три года так по-взрослому разговаривала! Я ей все могла рассказать, все мои проблемы, знаете, у меня тогда очень много проблем было, и по работе, и с мужчинами, и у Ба нашей тоже неприятностей хватало. Миром правит зависть, вы согласны, Эрик? От нее никуда не спрячешься, а нашу семью она всегда преследовала. Мы Светочке все рассказывали, а она, милая, все понимала. Она нам скорее как сестра была. Три поколения в одной квартире, и при этом полное равноправие, такое у нас было уникальное семейство. Про нас в той статье так и написали: такие семьи попадаются не часто.

А я думала, что Клавдия Васильевна, учительница, прочтет статью и меня заругает. А она, знаешь, хвалить меня стала. Смотрите, говорит, какая наша Света молодец, какой талантливый ребенок, стихи пишет. А стихи-то, говорит, какие – совсем взрослые. И смотрите, как наша Света хорошо сказала, что каждый ребенок – он в душе поэт. А про детство, слушайте: детство – это великая пора! Тут она стих мой один прочла, и мне даже не показалось, что это мой стих, а потом говорит: Светочка, ты выйди к доске и сама почитай нам, а природоведением потом займемся. И я встала из-за парты и пошла к доске. А у доски я обернулась и на класс посмотрела, и все мне показалось картинкой, все понарошку.

Не выдумывай, Света, это сейчас тебе все понарошку кажется, потому что столько времени прошло. Тогда тебе было восемь лет. Ты очень любила в школу ходить. Класс у них был красивый, Эрик! Над ним весь родительский комитет трудился. Окна чистые-чистые. На стене дипломы висят. Их награждали за сбор макулатуры, и на слете октябрятской песни они первое место заняли. Светочка солировала. Еще помнишь мелодию, Света? *Ты увидишь, ты услышишь, как веселый барабаник...*

Нет, мама, я помню, что все мне картинкой показалось. Я рукой взмахнула и пошла читать: *«звук приходит от небес – в темный лес»*. Я громко читала, нараспев, и глаза закрыла, и было мне, как будто я, как маленькая птица типа воробья, вылетела в окно и порх-порх над кипарисами, порх-порх над детской площадкой, над горсоветом, над молом, над пляжем, над зеленовато-синим морем с белыми барашками, порх-порх в поднебесье, где уже и воздуха-то нет, а позади маленькая девочка осталась, в школе, которая стихи, закрыв глаза, читает, и так мне ее жалко стало, что я в небе заплакала.

По-моему, ты фантазируешь, Света. У тебя что, был временный выход в астрал? Хотя, может, и так, ты была загадочным ребенком. Знаете, Эрик, что к нам приезжали экстрасенсы ее изучать? Была теория, что она посланница из космоса. Считалось, что ее душа из другой вселенной к нам спустилась и это тело приобрела, чтобы людей научить любви путем ее стихов.

Да, Эрик! Экстрасенс приезжал, и не один. Проводил со мной сеансы. Он уходил в другую комнату, загадывал мысль, а я отгадывала. Мне почти всегда удавалось. Они говорили, это потому, что я – посланница внеземных цивилизаций. В меня вселилась душа инопланетянина, чтобы посетить Землю.

Но у тебя же действительно получалось! Вот в чем удивительный секрет. Нет ответа на этот вопрос. Ты угадывала их мысли. Разве другой ребенок мог их мысли угадать? Значит, что-то в тебе было сверхъестественное. Хочет этого наука или нет, а сверхъестественное, оно все же среди нас. Знаете, Эрик, когда она родилась – когда я первый раз в ее глаза взглянула, на меня сразу чем-то инопланетным повеяло. Как будто мне какая-то потусторонняя сила нашептывать стала: этот ребенок не такой, как другие. В нем тайна сокрыта. Он многое миру поведает!

Не знаю, как я их мысли отгадывала. Может, потому, что мне всегда легко было понять, чего от меня хотят. Почему легко? Потому что мне очень-очень хотелось, чтобы меня любили. Однажды особенно помню. Клавдия ее звали. Она приезжала в то лето, когда все транзисторы на набережной играли «Миллион алых роз». Что это такое? Это такой шлягер был советский.

Вы что, не знаете ее, Эрик? Ваша семья в каком году уехала? Уже, кажется, должны были знать. Может, вы просто забыли. Это очень печальная песня про то, как художник все продал, что у него было, чтобы купить много-много цветов для актрисы. Он в нее влюблен был, а она цветы любила. Актриса вышла утром на балкон и увидела, что вся площадь для нее розами заполнена. А потом все, кончилась их любовь, актриса уехала. Тогда на набережной танцплощадка была. И каждый раз, когда эту песню играли, меня кто-нибудь на танец приглашал. Ни разу не было, Эрик, чтобы я эту песню без движения слышала. Даже если я танцевать не собиралась, просто мимо по набережной шла, кто-нибудь обязательно подходил и спрашивал: простите, девушка, вы со мной не потанцуете?

Мам, песню много лет подряд играли, она очень популярная была. Еще, помню, по вечерам очень жарко было, так что мы даже в темноте без свитеров ходили. Мы сначала на набережной встретились – моя Ба меня за руку вела, а навстречу – Клавдия со своим окружением. Я не помню, что за окружение было, но, казалось, за ней как бы свита следует.

Эрик, что же вы пирог не едите? Клавдия была самым знаменитым советским экстрасенсом. Лечила наложением рук. У нее все партийное руководство лечилось. Она будущее

предсказывать могла. Но только тем, кому хотела. Если не хотела, ее ни за какие деньги нельзя было уговорить. И вот эта Клавдия, понимаете, сама с нашей Светой захотела встретиться. Специально для этого в Приморское приехала.

Ой, мам, она страшная была. Красивая, но страшная. Лицо широкое, скулы кожей обтянуты, а глаза огромные такие и черные абсолютно. Я до сих пор помню эти черные зрачки, они меня тогда испугали. Вообще лицом на змею была похожа, на ядовитую змею из мультфильмов про индийских факиров. Одежда на ней тоже была змеящаяся, балахон шелковый с восточным узором, и пахло от нее пряностями какими-то. Это у нее духи такие были, но я не понимала. Думала, у нее свой такой запах.

Наша Ба, Эрик, мама моя, с Клавдией уже была знакома, она когда-то в музее выступала, на ее выступление все так рвались, яблоку негде было упасть.

Ба очень любила все мистическое!

Это потому, что у нашей Ба была поэтическая душа. В кого, думаешь, ты, Света, поэтом уродилась? В Ба, с ее поэтической душой. Она поэтому и стала в музее работать. Мама моя мечтала, чтобы я поэтом стала, но у меня дара не было. Я рисовала всегда, это мой талант. А Светочка у нас родилась поэтом. Вам нравится пирог, Эрик?

Мам, отстань от него, не заставляй пирог есть. Он, может, наелся уже. Знаешь, Эрик, когда мы с Ба к Клавдии в номер поднялись, я у нее на туалетном столике кучу таблеток увидела. И микстур каких-то. Она моей Ба сказала: «Я просто заснуть не могу. Не могу и все. Сколько ни принимай». Ведь она была наркоманкой, правда, мам?

Ну, это уж я не знаю. Не мне судить. Она, конечно, была ведьма. Наша Ба рассказывала, что Клавдия когда-то официанткой была. И пьяный посетитель в нее тарелкой запустил, а она руку подняла, и тарелка в полете как будто на невидимый барьер натолкнулась и сразу упала. А еще мама моя говорила, что приятельница ее попросила как-то Клавдию: Клавдия, покажи мне чудо! И Клавдия будто бы стала вдруг расти, как великанша, переросла комнату, головой куда-то в небо уперлась – а потом уменьшилась до нормального состояния и продолжала с улыбкой вниз смотреть.

Эрик, может, тебе не интересно совсем? Мы тебя заболтали. Мам, Эрик вообще не верит в экстрасенсов. И в парапсихологию не верит. Он верит только в естественный отбор и в законы природы. Правда, Эрик?

Как так, Эрик, вы не верите, что есть что-то, что наши пять чувств не могут уловить? Вы что, никогда не читали о привидениях? Вот что такое привидения, по-вашему? Разве это не тонкая энергия, которая остается на земле от умерших людей? Если, скажем, им что-то не позволило в астрал выйти?

Мам, он думает, что привидения – это выдумки.

Как же это могут быть выдумки, когда столько людей их видело? Это просто современная техника не может пока их уловить. А звуки загадочные, которые дом по ночам издает? А предчувствия – ведь они почти всегда правдой оборачиваются? Я вам, Эрик, расскажу одну историю. Когда еще Светин дедушка был жив, поехали мы как-то в Астрахань, у нас там были родственники. И вот, значит, пошли мы как-то раз все вчетвером на берег Волги гулять. А время было уже вечернее, стемнело. Вдруг Ба говорит: видишь на воде огонек. Я смотрю: действительно, на реке как будто что-то подпрыгивает и светится. Тогда я говорю...

Мам, Эрик устал уже. Может, вы в другое время об этом поговорите?

Что, поздно уже? А вам на работу завтра? Да что вы? Вам не дают выходной? Пирог тыквенный, разве вы не хотите кусочек? Да что вы, что вы, нам готовка в удовольствие. Очень приятно было с вами познакомиться. Я провела чудесный вечер. Как хорошо, что вы к нам зашли. Света говорила, вы комнату ищите. У нас есть свободная комната. Вы такой замечательный молодой человек, мы будем рады, если вы у нас поселитесь. И мы сможем продолжить дискуссию о невидимых силах. Обязательно переселяйтесь к нам, комната ваша!

* * *

Память об этом – как взгляд через мутное стекло.

В гостиничном номере темно. Окна закрыты, занавески задернуты. Только лампочка горит у кровати. Клавдия сидит прямая, как струна. Просит ребенка почитать стихи.

Ребенок боится.

Глаза Клавдии – как два гвоздя, их взгляд намертво прибивает к полу.

Ребенок начинает читать, качается в такт своим стихам, почти поет. Клавдия не сводит с нее глаз.

Подойди ко мне, говорит она ребенку.

Она кладет руку на детский лоб. Глаза ребенка закрываются. Ребенок чувствует тепло, которое идет от руки, проникает в мозг, в сердце, в легкие. Душа Клавдии перетекает в тело ребенка, он не в силах сопротивляться. Ее теплота убаюкивает. Будь всегда во мне, шепчет ребенок, не уходи.

В ребенка вселилось существо с другой планеты, говорит Клавдия.

Пришелец? – шепчет Ба.

Посланник из другого мира, говорит Клавдия. Пришел рассказать нам правду. Воспользовался телом Светы. Он говорит стихами. Уйдет, когда выговорится.

А когда это будет? – шепчет Ба.

Когда ей исполнится тринадцать. Существо уйдет, и Света станет самой собой.

Ребенок открывает глаза: у Клавдии зрачки вертикальные, как у змеи. Змея зачаровывает жертву. Желтый свет лампы. Тишина.

А что будет потом?

Клавдия не отвечает. Она смотрит на ребенка узкими вертикальными зрачками. Она убрала руку с детского лба. Ей не хочется говорить.

Что-то страшное ждет меня, понимает ребенок. Мой пришелец от меня уйдет. Останусь я, Света Лукина, оболочка, скинутая одежда. Кому я буду нужна. Зачем я буду жить.

А можно, чтобы этого не было?

Клавдия молчит. Комната молчит, коридор молчит, небо и море молчат. Все заглохло во вселенной, все спят, или, может быть, никого нет.

* * *

В обеденный перерыв Света уходит с бутербродом и бутылкой воды в заросли эвкалипта и бамбука возле искусственного ручья. Здесь, в тени, почти никто не бывает, здесь можно слушать плеск воды и крики птиц. Можно забыть о том, что в серпентарии у змей – мертвые мыши, что черепаха с длинной шеей и оранжевым брюхом прижимается к стеклянной стенке аквариума в надежде, что выплывет на волю. Что большие кошки ходят взад-вперед перед прутьями клетки, готовые растерзать тех, кто стоит по ту сторону, если только представится случай. Птица кукабара замерла на ветке, чтобы спикировать на жука. Варан ждет кусок кровавого мяса. Гиена хохочет и плачет вдалеке, но здесь, здесь спокойно. Света доедает бутерброд и отпивает немного воды из бутылки. Рядом со скамейкой покачивается папоротник. Он огромный, выше человеческого роста. Он древний. Людей еще не было, а папоротник был. Столько зверей исчезло, а папоротник стоит. Тур и птица додо исчезли, чубатый попугай и земляной гусь исчезли тоже. Стеллерова корова и сумчатый волк. И даже полузебра, полулошадь со странным именем квагга, которая предупреждала людей о хищниках, наивная тварь.

Тени тех, кто когда-то существовал, проходят медленной чередой перед Светой. Мамонты с маленькими ушами, чтоб их не отморозить, мамонты с трехметровыми изгибающимися бивнями. Мамонты, с которых клоками свисает шерсть. Мохнатый носорог, торжественно несущий два рога на морде. Два рога – он ими дерется, он ими трется о снег. Трехпалые верблюды идут и размахивают хоботками. Саблезубые тигры проходят с ревом, пещерные медведи бредут равнодушно. Стадо ящеров, похожих на птиц, и стая птиц, похожих на ящеров, – кожаные крылья, мех из перьев. Птицы и ящеры бегут на задних лапах, поводят мощными клювами. Ящеры и птицы, и их детеныши, которые только что вылупились из яиц и просят еды. Пробегают лошади с собачьими мордами. Утки высотой с человека неуклюже переваливаются. Проползают киты, покрытые шерстью, киты на четырех лапах. Ящеры с длинными шеями, с хохолками на голове, ящеры, покрытые панцирем, с рогами, с длинным хвостом в качестве руля и баланса, ящеры проходят громадными тенями, они шелкают клювами, цокают коготками, загребают воздух передними лапами. Они уже никому не страшны, они вымерли, Света смотрит на их призрачную кавалькаду и знает, что рано или поздно присоединится к ним и поведет за собой таких же, как она, тех, кто потерялся, отчаялся, заболел, сошел с ума, не выполнил обещанного, оступился, опозорил себя, некрасивых, неумных, не знающих, как жить, тех, кого не заметили, кого презирали, кого разлюбили, кого забыли, тех, кто оказался не нужен, ни при чем, не у дел, тех, которые кончились, еще не успев повзрослеть.

Она допивает воду, бросает пластмассовую бутылку и бумагу от бутерброда в мусорную корзину, стряхивает с себя хлебные крошки, вынимает из сумочки расческу и приводит волосы в порядок. Потом она смотрит на часы: пора возвращаться в кофейную палатку. Она проходит сквозь тени и выходит на главную дорогу зоопарка, в толпу туристов.

* * *

Георгий Иванович вышел пройтись, но ему не гулялось. Два раза он споткнулся, потом на него упала с неба капля, грозя дождем, вдали завывла сирена и оглушила его, чтобы потом так же неожиданно смолкнуть, сменившись воем возбужденных собак. Мимо шла женщина с пакетами, и, хотя они не были знакомы, Георгий Иванович улыбнулся ей, на что женщина поморщилась и быстро отвела взгляд. Что он ей такого сделал, подумал Георгий Иванович, улыбнулся только, и ладно бы, если б был молодой, хулиганистый, а то старик ведь, понятно же, что приставать не стану. Что же в голове у всех этих людей? Давнее сомнение снова посетило его: как быть, если все, что он слышал от народа в поездках по стране, на Байкале, на целине и на стройках, в такси и в электричках возле Москвы, в беседах с эмигрантами в Париже и Нью-Йорке, – что, если все, что говорили ему люди, всегда было обратным тому, что они думали. Что, если мужик жаловался, будто ему плохо, то было ему хорошо; а если ему и впрямь было плохо, то бахвалился, как все отлично. Что, если похвалить на бабе платье, то она его засунет в самый дальний ящик и никогда уже больше не наденет, все по той же загадочной вере, когда любое произнесенное слово воплощается в свою противоположность.

Вспоминалось, как завел однажды роман с роскошной барменшей, московской, между прочим, даже, кажется, с высшим образованием, о чем сообщала любовникам в начале утех, только чтобы спросить, уже натешившись вдоволь: ну что, будешь спать или будешь телевизор смотреть? Он, откинувшись на подушки, подложив руку под ее мощное плечо, предложил: а давай просто поговорим с тобой. О чем, удивлялась она. Так, о жизни – расскажи мне о себе. Она говорила что-то о соседках, о том, как хотела поменять квартиру, маялась, скучала и засыпала, не доведя рассказ до конца и ни о чем его не спросив. Вот тебе слияние душ. Кому оно нужно-то, слияние душ. Спи, любимая, спи.

Георгий Иванович повернул домой. Он оставил Валентину с медсестрой, и сейчас уже процедуры должны были подходить к концу. Он опять волновался перед встречей с женой, хотя они расстались всего минут сорок назад. Он каждый раз теперь волновался – ведь каждый раз он встречался не с той женой, с которой прожил много лет, и даже не с той, с которой только что расстался. Что-то беспрестанно изменялось в ней, что-то чужое и неожиданное каждый раз по-новому ошарашивало и пугало его.

В прихожей его встретила медсестра Любочка, быстро поздоровалась и сообщила: Валентина Витальевна назвала меня Глашей.

Любочка не отводит от него широко раскрытых глаз, как будто обвиняет в чем-то. Она могла бы быть комсомолкой шестидесятых, с этими распахнутыми глазами, с этой челкой.

Я ей объяснила, что я не Глаша, а она продолжает меня Глашей звать. И так упорно, знаете. Я подумала, может, что-то важное.

Хорошо, я разберусь, говорит Георгий Иванович.

На этот раз он не приглашает Любочку выпить, не рассказывает об Америке. Он подает ей пальто и открывает дверь. Он устал.

До свидания, Георгий Иванович, говорит она, я завтра опять приду в то же время.

Георгий Иванович кивает на прощание, у него нет сил говорить. Он идет на кухню, где руки сами тянутся за стопкой. Раньше он был равнодушен к алкоголю. Он пьянел от беседы, от женской красоты, от того, что в степи цвели маки, от быстрой езды, от прожекторов, от аплодисментов, от звука собственного голоса. А сейчас он так безысходно трезв. Так отчаянно трезв, что нужно выпить, чтобы расслабиться.

Глаша. Он всегда чувствовал свою вину перед ней. Он стал бы ей отцом, позволь она ему, но ведь не позволила же. Он увел бы ее мать из семьи, если бы не полюбил ее навсегда, да и что за дурацкое выражение: увести из семьи. Валентина сама ушла, она стала с ним счастлива. Отчего же дочь не могла простить ей это счастье ни на секунду, именно на счастье была обида, как будто только детям полагалось радоваться, и у Глаши был, с тех пор как он впервые увидел ее, обиженный взгляд: обокрали, обокрали.

Георгий Иванович вынимает мобильный телефон из кармана и набирает номер. На другом конце включается автоответчик. Глаша никогда не берет телефон, она фильтрует звонки, выбирает, кому ответить. Ему не ответит. Она никогда не брала трубку, если знала, что это он звонит.

Для бизнеса у нее другой номер, на те звонки она, вероятно, отвечает незамедлительно. Только вот Георгий Иванович не знает номера. Сколько у нее уже магазинов – три, четыре, и все в центре Москвы. Она ведет бизнес с остервенением, с жадностью, фантастически грубит подчиненным и стрижет фантастические барыши.

Он оставляет сообщение: Глаша, это Георгий. Перезвони нам, пожалуйста. Мать хочет тебя видеть.

Он откладывает мобильник и наливает еще стопку. Подходит к зеркалу, смотрит на свое отражение как будто бы объективом кинокамеры, взмахивает руками, как будто перед ним сидят тысячи людей на стадионе и ждут стихов. Камера фокусируется на его лице, он начинает давать интервью, рассказывать о встречах с Кеннеди и Хрущевым, объяснять, почему недостаточно хорош Бродский, в чем была ошибка Евтушенко, вспоминать, как он влюбился в Беллу, когда увидел ее в Политехническом, как бегал за кулисы МХАТа на свидание с актрисой – той, знаменитой, на десять лет его старше, он был тогда еще совсем зелен.

Что-то шаркнуло в коридоре, уж не мыши ли завелись, нет, почудилось. Лет двадцать назад по этому коридору брела Глаша, хмурая, сутулая, в одном носке. Глаша, хочешь кваса, спрашивал Георгий Иванович, и Глаша бросала ему односложное «нет». Ты устала, Глаша – нет, пойдем погуляем – нет, хочешь побыть одна – отстаньте. Всегда растрепанная, с опущенными плечами, одетая в обноски, хотя они с матерью привозили ей дорогие вещи из-

за границы. И постоянное чувство вины оттого, что он *не любит ребенка*. Других детей он обожал, гонял с ними футбольный мяч на поле, съезжал с горки, организовал их в «ковбоев» и «индейцев» и сам стал индейским вождем. Только этого толстого и враждебного ребенка он не мог полюбить, именно этого ребенка, который был его падчерицей.

Надо пойти к Вале, но он не может собраться с силами. Узнает она его на этот раз? Или опять назовет чужим именем? Чем он провинился перед жизнью, чтобы заслужить такое. Наверное, был слишком счастлив.

Телефон пискнул. Одно сообщение. От Глаши.

«Зачем?»

Георгий застонал и чуть не бросил телефон об пол.

«Ты же знаешь, она больна. Приняла за тебя медсестру».

Телефон пискнул снова.

«Мать всегда была маразматичкой».

Георгий опрокинул стопку в рот и, медленно передвигая ноги, пошел в спальню. Жена не спала. Она приподнялась на подушках и глядела на него воспаленными глазами.

Глаша, спросила она.

Глаши нет, сказал Георгий.

А когда вернется.

Валентина попыталась встать с постели, но Георгий Иванович обнял ее за плечи и уложил снова. Он присел на кровать и взял ее руку в свою.

При разводе Глаша заявила, что хочет жить с отцом. В четвертом классе перестала читать книги. Выпускницей отказалась видаться с матерью. Когда Георгий Иванович пытался их помирить, бросила: вы над моим папашкой смеялись! Лысый партийный папаша был для нее героем, а Валентина оказалась врагом. Они все боялись того момента, когда у Глаши начнется переходный возраст. Думали, выкрасит волосы в зеленый цвет, пристрастится к наркотикам, будет резать вены. Вместо этого Глаша (все так же хмуро, молчаливо, пряча глаза) окончила школу, технический вуз и стальными когтями вцепилась в куплю-продажу меховых изделий.

Можно, я с тобой полежу, спрашивает он у жены и сворачивается клубком на краю постели. Я маленький мальчик, пожалей меня, шепчет он. Жена гладит его по волосам.

Как же уедет, как же он ее оставит. Попытаться договориться с медсестрой. Попросить пожить тут – его не будет всего несколько дней. Или, может, она знает сиделку какую-нибудь, которая осталась бы на ночь. Но страшно оставлять Валентину с незнакомкой. Даже Люба, и та все-таки чужой человек. Мало ли что ей в голову придет. А Валя беззащитна.

Может, отказаться от поездки? В шестидесятые его в Америке обожали. Любят и сейчас, больше даже, чем в России. На родине теперь носятся с теми, кто эту самую родину покинул, с покойными поэтами из северных столиц. Никого эта поэзия не трогает, никому она не понятна, но что поделаешь – мода. А его зовут выступить в американском университете. Где-то близко от Мексики. Может, сбежать на денек в Сан-Франциско. У него есть поэма об этом городе, написал в первую свою туда поездку: «Миражи Сан-Франциско». *Миражи Сан-Франциско. Улицы, вставшие на дыбы, крики тюленей, запах марихуаны, бродяги с Библией. Грядет конец света. Посетите тюрьму Алькатрас. Патлатые босяки. Make peace not war. Любовь, а не война. Любите, а не воюйте. Идите в любовь, не на войну.*

Американские поэты смеялись, что по-русски нельзя «делать любовь».

Он читал им свою поэму о Ленине. Теперь модно ее презирать, а в Сан-Франциско она тогда прошла на ура. Все тогда были влюблены в Ленина, он, Гинзберг, Рексрот, Ферлингетти, может, он что-то путает, но, кажется, все они, все были влюблены в Ленина – и в Георгия Ивановича. Джорджи, они его звали Джорджи. Взирались по вздымавшимся улицам, сбежали под горку, кричали прозрачному городу: Ленин вас любит, Ленин с вами!

Прохожие улыбались, одна женщина шла с охапкой цветов и вдруг бросила цветы им под ноги. Это тебе, Джорджи, кричали друзья, да здравствует любовь! Да здравствует Сан-Франциско, кричал он, да здравствует океан! Гинзберг читал ему стихи. Мои соратники, Джорджи, едут в подземке, наглотавшись таблеток, совокупаются со случайными встречными в гостиницах, где клопы подслушивают за влюбленными, мои соратники выбрасываются из окон, сжигают себя живьем из протеста против бомб и голода, они топятя в океане и в пивной кружке, они рыдают, Джорджи, понимаешь, они рыдают. Да, говорил Георгий, но пусть утрут слезы, теперь я с вами, пошли на площадь, я буду читать стихи, пошли на стадион, я буду читать стихи. Ты будешь читать стихи на стадионе, Джорджи? Да, буду, Аллен, и все придут меня слушать, придут твои приятели с мескалиновым кактусом, придут бездомные, придут индейцы, потому что они поймут, что во мне, поэте, воплотился дух предков. Придут чернокожие и безработные. Придут потомки русских эмигрантов, приплывшие из Китая, они придут, чувствуя вибрацию родной речи. Придут профессора и продавщицы, проститутки и гангстеры, представители профсоюзов и быки со скотобойни. Придут все, Аллен, как только я начну, дай мне забраться на перевернутую машину, дай, начинаем революцию, Аллен! Революцию? Да, революцию в Сан-Франциско. Даешь мировую революцию, Джорджи. Ом мани падме хум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.